

*Сибил Барнетт,
которая не меньше меня любит
путешествовать по всему свету*

Часть 1
АНГЛИЯ

Глава 1

Линит Риджуэй!

— Это она! — сказал мистер Барнэби, хозяин «Трех корон». И толкнул локтем соседа. Приоткрыв рты, оба выкатили буколические глаза. Перед почтовым отделением стал большой ярко-красный «Роллс-Ройс». Из него выпрыгнула девица — без шляпки и в простеньком (*обманчиво* простеньком) платьице; златовласая девица с властным лицом, с прелестной фигурой — словом, редкая птица тут, в Молтон-андер-Вуде.

Она быстрым, уверенным шагом прошла в здание почты.

— Она, — повторил мистер Барнэби и, понизив голос, трепетно продолжал: — У нее миллионы... Собирается потратить тысячи на усадьбу. Бассейны устроить, итальянские сады с бальным залом, полдома порушить и перестроить...

— Потекут в город денежки, — сказал его худой, болезненного вида приятель. Сказал завистливым, вредным тоном.

Мистер Барнэби согласился:

— Подфартило Молтон-андер-Вуду. Подфартило. — Мистер Барнэби ликовал. — От спячки наконец пробудимся, — добавил он.

— Не то что при сэре Джордже, — сказал второй.
— Да, тому, кроме лошадей, ничего не надо было, — снисходительно сказал мистер Барнэби. — Вот и дошел до ручки.

— Сколько он получил за усадьбу?

— Шестьдесят тысяч, я слышал, так-то.

Худой присвистнул.

— И говорят, еще шестьдесят, — продолжал радоваться мистер Барнэби, — она потратит на обустройство.

— Черт-те что, — сказал худой. — Откуда у нее эти деньжищи?

— Из Америки, я слышал. Мать была единственной дочкой у тамошнего миллионера. Прямо кино, правда?

Девица вышла из почты и села в автомобиль. Худой проводил взглядом отъехавшую машину.

— Неправильно это, — пробормотал он себе под нос, — чтобы она еще так выглядела. Это слишком — иметь деньги и такую внешность. Если девушке привалило богатство, то какое же она имеет право быть еще и красоткой? А она — красотка... Все при ней. Нечестно...

Глава 2

Отрывок из светской хроники во «Всякой всячине»: «Среди ужинавших в ресторане «У тетушки» мое внимание привлекла красавица Линит Риджуэй. С ней были почтенная Джоанна Саутвуд, лорд Уиндлизем и мистер Тоби Брайс. Общеизвестно, что мисс Риджуэй является единственной дочерью

Мелиша Риджуэя, мужа Анны Хатс. От своего деда, Леопольда Хатса, она наследует огромное состояние. Сейчас прелестная Линит в центре внимания, и поговаривают, что в скором времени может быть объявлено о помолвке. Разумеется, лорд Уиндлизем казался весьма *épris!*¹»

Глава 3

Достопочтенная Джоанна Саутвуд сказала:

— Дорогая, по-моему, все получится совершенно изумительно.

Она сидела в спальне Линит Риджуэй в Вуд-Холле. За окнами взгляд, миновав парк, уходил в поля с сизой каймой леса.

— Прелестно тут, правда? — сказала Линит.

Она стояла, опершись руками о подоконник. Лицо горело энергией, нетерпением. Рядом с ней высокая и тонкая двадцатисемилетняя Джоанна Саутвуд с продолговатым умным лицом и капризно выщипанными бровями смотрелась тускловатой.

— Сколько же ты успела сделать! У тебя было много архитекторов или кого там еще?

— Трое.

— А какие они — архитекторы? Никогда с ними не сталкивалась.

— Славные люди. Иногда, правда, довольно непрактичные.

— Ну, это ты быстро поправишь. Ты очень практичный человек, дорогая. — Джоанна взяла с туалет-

¹ Влюбленным (*фр.*).

ного столика нитку жемчуга. — Это ведь настоящий жемчуг, да?

— Конечно.

— Для тебя — «конечно», моя радость, но большинство людей сочтут его либо старательной подделкой, либо даже дешевкой из «Вулвортс»¹. Совершенно *неправдоподобный* жемчуг, дорогая, изумительно подобран. Эта нитка должна стоить сказочно дорого.

— Ты находишь, она вульгарна?

— Отнюдь нет! В чистом виде красота. Сколько же это стоит?

— Около пятидесяти тысяч.

— Кругленькая сумма! Ты не боишься, что твой жемчуг украдут?

— Нет, я его всегда ношу, а кроме того, он застрахован.

— Слушай, дай поносить до обеда. Дай порадоваться жизни.

Линит рассмеялась:

— Носи, если хочешь.

— Как я тебе завидую, Линит! Тебе только птичьего молока не хватает. В двадцать лет ты сама себе хозяйка, денег не считаешь, красавица, на здоровье не жалуешься. И вдобавок *умница*! Когда тебе будет двадцать один?

— В июне. Я устрою в Лондоне грандиозный прием в честь совершеннолетия.

¹ «Вулвортс» — универмаги американской компании «Ф.У. Вулвортс», имеющей филиалы в Англии.

— Кстати, ты выходишь за Чарлза Уиндлизема? Пресловутая светская хроника спит и видит поженить вас. А как жутко он тебе предан!

Линит пожала плечами:

— Не знаю. Мне пока совсем не хочется замуж.

— И правильно, дорогая! От добра добра не ищут.

Пронзительно зазвонил телефон, Линит подошла.

— Да? Да?

Ответил голос дворецкого:

— Звонит мисс де Бельфор. Вас соединить с ней?

— Бельфор? Да, конечно, соединяйте.

В трубке щелкнуло, и напористо, сбиваясь с дыхания, заговорил мягкий голос:

— Алло, это мисс Риджуэй? Линит!

— Джеки, дорогая! Я не слышала тебя целую вечность!

— Я знаю. Ужас! Мне страшно нужно увидеть тебя, Линит.

— А что бы тебе не приехать сюда? У меня новая игрушка. Очень хочется показать тебе.

— Я как раз хочу приехать.

— Так садись скорее на поезд или в машину.

— Я так и сделаю. У меня двухместная развалина.

Я купила ее за пятнадцать фунтов, и время от времени она прилично бегаёт. А иногда дурит. Если я не приеду к чаю, значит, она задурила. Пока, моя радость.

Линит положила трубку и вернулась к Джоанне.

— Это моя старинная подружка — Жаклин де Бельфор. Мы обе были воспитанницами в одном парижском монастыре. Ей жутко не повезло. Ее отец

был французским графом, а мать — американкой из южных штатов. Отец ушел к другой женщине, мать потеряла все деньги в уолл-стритском¹ крахе. Джеки осталась буквально ни с чем. Не представляю, как она прожила эти два года.

Джоанна полировала кроваво-красные ногти подушечкой из набора своей подруги. Клоня набок откинутую голову, она придирчиво разглядывала достигнутый результат.

— Дорогая, — протянула она, — а это не будет тебе в тягость? Если у моих друзей случаются неприятности, я *сразу* порываю с ними. Пусть это звучит жестоко, зато потом никаких забот. Они все время норовят занять денег либо определяются в белошвейки, а ты носи их жуткие платя. Или еще: расписывают абажуры, тачают батиковые кашне.

— Потеряй я все свои деньги, ты завтра же порвешь со мной?

— Всенепременно, дорогая. И ты не назовешь меня лицемеркой. Я люблю только везучих людей. Ты еще убедишься, что я совсем не исключение, — просто-напросто большинство боится в этом признаться. Они скажут, что стало невозможно переносить Мэри, Эмили или Памелу: невзгоды совсем ожесточили бедняжку, она теперь такая странная!

— Какая же ты противная, Джоанна!

— Просто я устраиваюсь в жизни — как все.

— Я, например, не устраиваюсь.

¹ У о л л - с т р и т — улица в Нью-Йорке, на которой расположены здания фондовой биржи и многих банков; символ финансовой олигархии США.

— Понятное дело! Тебе ли жаться, если каждый квартал симпатичные, средних лет американские опекуны выплачивают тебе роскошное содержание.

— А насчет Жаклин ты ошибаешься, — сказала Линит. — Она не попрошайка. Я хотела ей помочь — так она не дала. В ней гордости до черта.

— А что это она так спешит повидаться? Держу пари, ей что-нибудь нужно от тебя. Сама увидишь.

— Она в самом деле чем-то возбуждена, — признала Линит. — Джеки всегда страшно горячо все воспринимала. Однажды она пырнула одного перочинным ножом.

— Боже, какой страх!

— Мальчишка мучил собаку. Джеки пыталась остановить его. Тот не слушался. Она цеплялась за него, тормозила, но он был сильнее, и тогда она выхватила ножик и вонзила в него. Был кошмарный скандал.

— Я думаю! Дико представить себе такое.

В комнату вошла горничная Линит. Пробормотав извинения, она взяла из шкафа платье и вышла.

— Что случилось с Мари? — спросила Джоанна. — У нее глаза на мокром месте.

— Жалко ее. Ты помнишь, я говорила, она собирается замуж за человека, который работает в Египте? Она мало знала о нем, и я подумала: надо проверить, какой он человек. Выяснилось, что у него уже есть жена и трое детей в придачу.

— Сколько же врагов ты наживаешь себе, Линит!

— Врагов? — Линит удивилась.

Джоанна кивнула и взяла сигарету.

— Именно врагов, моя радость. Тебя на все хватает, и, что нужно, ты делаешь до ужаса правильно.

Линит рассмеялась:

— У меня нет ни единого врага в целом мире!

Глава 4

Лорд Уиндлизем сидел под кедром. Приятные пропорции Вуд-Холла радовали глаз. Ничто не портило его старозаветную красоту — новейшие постройки и пристройки укрылись за домом. А перед глазами был красивый и мирный пейзаж, залитый осенним солнцем. Но не Вуд-Холл видел Чарлз Уиндлизем: перед его мысленным взором стояли куда более внушительный елизаветинский дворец, раскинувшийся парк, сумрачноватое окружение... То было его родовое гнездо, Чарлтонбери, с фигурой на переднем плане — златовласой, смотревшей смело и уверенно... Линит, хозяйка Чарлтонбери!

Он был преисполнен надежды. Тот ее отказ, строго говоря, не был отказом — скорее это была просьба об отсрочке. Ладно, он еще может подождать...

На редкость удачно все складывалось. Конечно, весьма желательно жениться на деньгах, хотя не до такой степени необходимо, чтобы поступаться при этом чувствами. А он вдобавок любит Линит. Он бы искал ее руки, будь она даже нищенкой, а не одной из богатейших невест в Англии. К счастью, она как раз из богатейших невест...

Он потешил себя планами на будущее. Может, подиректорствовать в Роксдейле, реставрировать за-

падное крыло, не пускать больше шотландскую охоту¹ — нет надобности...

Чарлз Уиндлизем задремал на солнышке.

Глава 5

В четыре часа, хрустя гравием, подъехал выдавший виды двухместный автомобиль-малютка. Из него выпрыгнуло хрупкое создание с копной темных волос. Девушка взбежала по ступенькам и позвонила в дверь.

Через несколько минут ее провели в просторную строгую гостиную, и пасторского вида дворецкий печально возгласил:

— Мисс де Бельфор!

— Линит!

— Джеки!

Стоявший поодаль Уиндлизем благосклонно взирал на темпераментную крошку, заключившую Линит в свои объятия.

— Лорд Уиндлизем — мисс де Бельфор, моя ближайшая подруга.

«Милашка, — думал тот, — не красавица, но определенно привлекательная — эти темные кудри, огромные глаза». Промычав что-то из приличия, он предупредительно вышел, оставив подруг вдвоем.

Жаклин, как это водилось за ней, не преминула посудачить:

— Уиндлизем? Да ведь это его все газеты прочат тебе в мужья! А ты правда выходишь за него, Линит?

¹ Пешая охота с шотландскими борзыми (дирхаундами).

- Может быть, — обронила Линит.
- Дорогая, как я рада! Он такой милый.
- Не настраивайся, я еще ничего не решила.
- Разумеется! Королевам полагается быть осмот-
рительными в выборе супруга.
- Не смей меня, Джеки.
- Но ты в самом деле королева, Линит, и всегда
была королевой! *Sa Majesté, la reine Linitte. Linitte la
blonde!*¹ А я твоя наперсница. Особо приближенная
фрейлина.
- Какую чушь ты несешь, Джеки! А где ты во-
обще пропадала? Как в воду канула, ни строчки не
написала.
- Я терпеть не могу писать письма. Где пропадала?
Пускала пузыри. Работа! Скучная работа, скуч-
ные товарки.
- Дорогая, я хочу, чтобы ты...
- Приняла королевское пособие?² Честно гово-
ря, я за этим и приехала. Нет-нет, не за деньгами!
До этого пока не дошло. Я приехала просить о важ-
ной-преважной услуге.
- Выкладывай.
- Если ты собираешься выходить за своего Уинд-
лизема, ты, может быть, поймешь меня.
- Линит приняла озадаченный вид; потом лицо ее
прояснилось.
- Ты хочешь сказать, что...
- Правильно, дорогая! *Я помолвлена.*

¹ Ее величество королева, Линит златокудрая! (*фр.*)

² Ирония этого вопроса в том, что «королевское пособие» полагается матери, родившей троих и более близнецов.

— Вот оно что! То-то, я смотрю, тебя как подменили. Ты всегда живчик, но сегодня — особенно.

— Такое у меня настроение.

— Расскажи про него.

— Его зовут Саймон Дойл. Он такой большой, плечистый и невероятно простой, совсем дитя малое, невозможная прелесть! Он бедный, совсем без денег. Но, по-вашему, он еще тот дворянин — из обедневших, правда, да еще младший сын, и все такое. Их корни в Девоншире. Он любит провинцию и все деревенское. А сам последние пять лет сидит в городе, в душной конторе. Сейчас там сокращение, он без работы. Линит, я *умру*, если не выйду за него замуж! Умру! Умру...

— Не говори глупостей, Джеки.

— Говорю тебе: умру! Я без ума от него. А он — от меня. Мы не можем друг без друга.

— Дорогая, ты просто не в себе.

— Я знаю. Страшно, правда? Когда тебя одолевает любовь, с ней уже не справиться.

Она смолкла. Ее широко раскрывшиеся темные глаза обрели трагическое выражение. Она передернула плечами.

— Иногда просто страшно делается! Мы с Саймоном созданы друг для друга. Мне никто больше не нужен. Ты *должна* помочь нам, Линит. Я узнала, что ты купила это поместье, и вот что подумала: ведь тебе понадобится управляющий — и, может, даже не один. Возьми на это место Саймона.

— Как? — поразила Линит.

— Он собаку съел на этом деле, — зачастила Жаклин. — Все знает про поместья — сам вырос

в таких условиях. Да еще специально учился. Ну, Линит, ну, из любви ко мне — дай ему работу, а? Если он не справится — уволишь. А он справится! Мы себе будем жить в какой-нибудь сторожке, я буду постоянно видеть тебя, а в твоём парке станет просто божественно красиво. — Она встала. — Скажи, что ты его берешь, Линит. Красивая, золотая Линит! Бесценное мое сокровище! Скажи, что ты его берешь!

— Джеки...

— Берешь?..

Линит рассмеялась:

— Смешная ты, Джеки! Вези сюда своего кавалера, дай на него посмотреть — тогда все и обсудим.

Джеки набросилась на нее с поцелуями.

— Дорогая ты моя, ты настоящий друг! Я знала! Ты меня никогда не подведешь! Ты самая ненаглядная на свете. До свидания!

— Нет, ты останешься, Джеки.

— Нет, не останусь. Я возвращаюсь в Лондон, а завтра привезу Саймона, и мы все решим. Ты полюбишь его. Он душа.

— Неужели ты не можешь задержаться и выпить чаю?

— Не могу, Линит. У меня от всего голова идет кругом. Я должна вернуться и рассказать Саймону. Я сумасшедшая, знаю, но с этим ничего не поделаешь. Даст бог, замужество меня излечит. Оно вроде бы отрезвляюще действует на людей. — Она направилась к двери, но тут же кинулась напоследок обнять подругу. — Ты одна такая на всем свете, Линит.

Глава 6

Месье Гастон Блонден, владелец ресторанчика «У тетушки», отнюдь не баловал вниманием свою *clientèle*¹. Напрасно могли ждать, что их заметят и выделяют из остальных, богач и красавица, знаменитость и аристократ. И уж совсем в исключительных случаях, являя особую милость, месье Блонден встречал гостя, провожал к придержанному столику и заводил уместный разговор.

Нынешним вечером месье Блонден почтил своим монаршим вниманием лишь троих — герцогиню, пэралошадника и комической внешности коротышку с длиннющими черными усами, который своим появлением «У тетушки», отметил бы поверхностный наблюдатель, едва ли делает одолжение ресторану.

А месье Блонден был сама любезность. Хотя последние полчаса посетителей заверили, что ни единого свободного столика не имеется, тут и столик таинственным образом объявился, причем в удобнейшем месте. И месье Блонден самолично, с подчеркнутой *empressement*² провел к нему гостя.

— Само собой разумеется, месье Пуаро, для вас всегда найдется столик. Как бы мне хотелось, чтобы вы почаще оказывали нам эту честь.

Эркюль Пуаро улыбнулся, вспомнив давний инцидент с участием мертвого тела, официанта, самого месье Блондена и очень привлекательной дамы.

— Вы очень любезны, месье Блонден, — сказал он.

— Вы один, месье Пуаро?

¹ Клиентуру (*фр.*).

² Услужливостью (*фр.*).

— Да, один.

— Не беда, Жюль попотчует вас не обедом, а настоящей поэмой. Как ни очаровательны дамы, за ними есть один грешок: они отвлекают от еды! Вы получите удовольствие от обеда, месье Пуаро, я вам это обещаю. Итак, какое вино...

С подоспевшим Жюлем разговор принял специальный характер.

Еще задержавшись, месье Блонден спросил, понизив голос:

— Есть какие-нибудь серьезные дела?

Пуаро покачал головой.

— Увы, я теперь лентяй, — сказал он с грустью. — В свое время я сделал кое-какие сбережения, и мне по средствам вести праздную жизнь.

— Завидую вам.

— Что вы, завидовать мне неразумно. Уверяю вас, это только звучит хорошо: праздность. — Он вздохнул. — Правду говорят, что человек вынужден занимать себя работой, чтобы не думать.

Месье Блонден воздел руки:

— Но есть же масса другого! Есть путешествия!

— Да, есть путешествия. Я уже отдал им немалую дань. Этой зимой, вероятно, посету Египет. Климат, говорят, восхитительный. Сбежать от туманов, пасмурного неба и однообразного бесконечного дождя.

— Египет... — вздохнул месье Блонден.

— Туда, по-моему, теперь можно добраться поездом, а не морем, если не считать паром через Ла-Манш.

— Море — вы плохо переносите его?

Эрkyль Пуаро кивнул и чуть передернулся.

— Так же я, — сочувственно сказал месье Блонден. — Занятно, что это так действует на желудок.

— Но не на всякий желудок. Есть люди, на которых движение совершенно не оказывает действия. Оно им даже в удовольствие.

— Не поровну милость божья, — сказал месье Блонден. Он печально помотал головой и с этой греховной мыслью удалился.

Неслышные расторопные официанты накрывали столик. Сухарики «мелба», масло, ведро со льдом — все, что полагается для первоклассного обеда.

Оглушительно и вразнобой грянул негритянский оркестр. Лондон танцевал.

Эркюль Пуаро поднял глаза, размещая впечатления в своей ясной, упорядоченной голове.

Сколько скучных усталых лиц! Хотя вон те крепыши веселятся напрапалую... притом что на лицах их спутниц застыло одно стоическое терпение. Чему-то радуется толстая женщина в красном... Вообще у толстяков есть свои радости в жизни... смаковать, гурманствовать — кто позволит себе, следя за фигурой?

И молодежи порядочно пришло — безразличной, скучающей, тоскующей. Считать юность счастливой порой — какая чушь! — ведь юность более всего ранима.

Его взгляд размягченно остановился на одной паре. Прекрасно они смотрелись рядом — широкоплечий мужчина и стройная хрупкая девушка. В идеальном ритме счастья двигались их тела. Счастьем было то, что они здесь в этот час — и вместе.

Танец оборвался. После аплодисментов он возобновился, и еще раз оркестр играл на «бис», и только потом та пара вернулась к своему столику недалеко от Пуаро. Раскрасневшаяся девушка смеялась. Она так села против своего спутника, что Пуаро мог хорошо разглядеть ее лицо.

Если бы только ее глаза смеялись! Пуаро с сомнением покачал головой.

«Что-то заботит малышку, — сказал он про себя. — Что-то не так. Да-да, не так».

Тут его слуха коснулось слово: Египет.

Он ясно слышал их голоса — девушки, молодой и свежий, напористый, с чуть смягченным иностранным «р», и приятный, негромкий голос хорошо воспитанного англичанина.

— Я знаю, что цыплят по осени считают, Саймон. Но говорю тебе: Линит не подведет.

— Зато я могу ее подвести.

— Чепуха, это прямо для тебя работа.

— Честно говоря, мне тоже так кажется... Насчет своей пригодности у меня нет сомнений. Тем более что я очень постараюсь — ради тебя.

Девушка тихо рассмеялась безоглядно счастливым смехом.

— Переждем три месяца, убедимся, что тебя не уволят, и...

— И я выделю тебе долю от нажитого добра¹ — я правильно уловил мысль?

¹ Слегка измененная фраза из Книги общей молитвы — молитвенника и требника англиканской церкви.

— И мы поедem в Египет в наш медовый месяц — вот что я хотела сказать. Плевать, что дорого! Я всю жизнь хочу поехать в Египет. Нил... пирамиды... пески...

Мужской голос прозвучал не очень отчетливо:

— Мы вдвоем увидим все это, Джеки... вдвоем. Будет дивно, да?

— Мне — да, а тебе? Интересно... ты правда этого хочешь так же сильно, как я?

Ее голос напрягся, глаза округлились — и чуть ли не страх был в них.

Ответ последовал быстрый и резковатый:

— Не глупи, Джеки.

— Интересно... — повторила девушка. И передернула плечами. — Пойдем потанцуем.

Эркюль Пуаро пробормотал под нос:

— «Un qui aime et un qui se laisse aimer»¹. М-да, мне тоже интересно.

Глава 7

— А вдруг с ним чертовски трудно ладить? — сказала Джоанна Саутвуд.

Линит покачала головой:

— Не думаю. Я доверяю вкусу Жаклин.

На это Джоанна заметила:

— В любви люди всегда другие.

Линит нетерпеливо мотнула головой и переменяла тему:

¹ «Один любит, другой позволяет себя любить» (фр.).

- Мне надо к мистеру Пирсу — насчет проекта.
- Насчет проекта?
- Насчет развалюх. Я хочу их снести, а людей переселить.
- Какая ты у нас тонкая и сознательная, душка.
- Эти дома все равно надо убирать. Они испортят вид на мой бассейн.
- А их обитатели согласятся выехать?
- Да многие за милую душу! А некоторые — такие зануды. Не могут уразуметь, как сказочно изменятся их условия жизни.
- Я знаю, ты не упустишь поучить их умуразуму.
- Ради их же пользы, дорогая Джоанна.
- Конечно, дорогая, я все понимаю. Принудительное благо.
- Линит нахмурилась. Джоанна рассмеялась:
- Не отпирайся, ведь ты — тиран. Если угодно, тиран-благодетель.
- Я ни капельки не тиран!
- Но ты любишь настоять на своем.
- Не очень.
- Погляди мне в глаза, Линит Риджуэй, и назови хоть один раз, когда тебе не удалось поступить по-своему.
- Я тебе назову тысячу раз.
- Вот-вот: «тысяча раз» — и ни одного конкретного примера. Ты не придумаешь его, сколько ни старайся. Триумфальный проезд Линит Риджуэй в золотом авто.

— Ты считаешь, я эгоистка? — резко бросила Линит.

— Нет, ты победительница — только и всего. Благодаря союзу денег и обаяния. Все повергается перед тобой. Чего не купят деньги — доставит улыбка. Вот это и означает: Линит Риджуэй — Девушка, у Которой Все Есть.

— Не смей меня, Джоанна.

— Разве не правда, что у тебя все есть?

— Пожалуй, правда... Дикость какая-то!

— Еще бы не дикость! Ты, наверное, иногда сата-неешь от скуки и blasé¹. А пока верши свой триумфальный проезд в золотом авто. Но хотелось бы мне знать — даже очень! — что будет, когда ты выедешь на улицу, а там знак: «Проезда нет».

— Не городи чушь, Джоанна. — Обернувшись к вошедшему лорду Уиндлизему, Линит сказала: — Джоанна говорит обо мне страшные гадости.

— Из вредности, дорогая, исключительно из вредности, — рассеянно отозвалась та, поднимаясь с кресла.

Она ушла, не придумав повода. В глазах Уиндлизема она отметила огонек.

Минуту-другую тот молчал. Потом прямо перешел к делу:

— Вы пришли к какому-нибудь решению, Линит?

Она медленно выговорила:

— Неужели придется быть жестокой? Ведь если я не уверена, мне нужно сказать: нет...

Он остановил ее:

¹ Пресыщенности (*фр.*).

— Не говорите! Время терпит — у вас сколько угодно времени. Только, мне кажется, мы будем счастливы вместе.

— Понимаете, — виновато, с детской интонацией сказала Линит, — мне сейчас так хорошо — да еще все это в придачу. — Она повела рукой. — Мне хотелось сделать из Вуд-Холла идеальный загородный дом, и, по-моему, получилось славно, вам не кажется?

— Здесь прекрасно. Прекрасная планировка. Все безукоризненно. Вы умница, Линит. — Он помолчал минуту и продолжал: — А Чарлтонбери — ведь он вам нравится? Конечно, требуется кое-что подновить, но у вас все так замечательно выходит. Вам это доставит удовольствие.

— Ну конечно, Чарлтонбери — это чудо.

Она охотно поддакнула ему, но на сердце лег холодок. Какая-то посторонняя нота внесла диссонанс в ее полное приятие жизни. Тогда она не стала углубляться в это чувство, но позже, когда Уиндлизем ушел в дом, решила покопаться в себе.

Вот оно: Чарлтонбери — ей было неприятно, что о нем зашла речь. Но почему? Весьма знаменитое место. Предки Уиндлизема владели поместьем со времен Елизаветы¹. Быть хозяйкой Чарлтонбери — высокая честь. Уиндлизем был из самых желанных партий в Англии.

Понятно, он не может всерьез воспринимать Вуд... Даже сравнивать смешно с Чарлтонбери.

¹ Елизавета (1533–1603) — английская королева с 1558 г., из династии Тюдоров.

Зато Вуд — это только ее! Она увидела поместье, купила его, перестроила и все переделала, вложила пропасть денег. Это ее собственность, ее королевство.

И оно утратит всякий смысл, выйди она замуж за Уиндлизема. Что им делать с двумя загородными домами? И естественно, отказаться придется от Вуд-Холла.

И от себя самой придется отказаться. Линит Риджуэй станет графиней Уиндлизем, осчастливив своим приданым Чарлтонбери и его хозяина. Она будет королевской супругой, но уже никак не королевой.

«Я делаюсь смешной», — подумала она.

Но странно, что ей так ненавистна мысль лишиться Вуда...

И еще не давали покоя слова, что Джеки выговорила странным, зыбким голосом: «Я *умру*, если не выйду за него замуж. Просто умру...»

Какая решимость, сколько убежденности. А сама она, Линит, чувствовала что-нибудь похожее к Уиндлизему? Ни в малой степени. Возможно, она вообще ни к кому не могла испытывать таких чувств. А должно быть, это замечательно по-своему — переживать такие чувства...

В открытое окно донесся звук автомобиля.

Линит нетерпеливо передернула плечами. Скорее всего, это Джеки со своим молодым человеком. Надо выйти и встретить их.

Она стояла на пороге, когда Жаклин и Саймон Дойл выходили из машины.

— Линит! — Джеки подбежала к ней. — Это Саймон. Саймон, это Линит. Самый замечательный человек на свете.

Линит увидела высокого, широкоплечего молодого человека с темно-синими глазами, кудрявой каштановой головой, с прямоугольным подбородком и обезоруживающе мальчишеской улыбкой.

Она протянула ему руку. Его пожатие было крепким и теплым. Ей понравился его взгляд, в нем светилося наивное, искреннее восхищение.

Джеки сказала, что она замечательная, и он исто-во поверил в это.

Все ее тело охватила сладкая истома.

— Правда, здесь прелестно? — сказала она. — Входите, Саймон, я хочу достойно принять своего нового управляющего.

Ведя их за собой в дом, она думала: «Мне ужасно, ужасно хорошо. Мне нравится молодой человек Джеки... Страшно нравится».

И еще уколола мысль: «Повезло Джеки...»

Глава 8

Тим Аллертон откинулся в плетеном кресле и, взглянув в сторону моря, зевнул. Потом бросил вороватый взгляд на мать.

Седовласая пятидесятилетняя миссис Аллертон была красивой женщиной. Всякий раз, когда она смотрела на сына, она сурово сжимала губы, чтобы скрыть горячую привязанность к нему. Даже совершенно посторонние люди редко попадались на эту уловку, а уж сам Тим отлично знал ей цену.

Сейчас он сказал:

— Мам, тебе правда нравится Майорка?¹

— М-м, — задумалась миссис Аллертон. — Тут дешево.

— И холодно, — сказал Тим, зябко передернув плечами.

Это был высокий, худощавый молодой человек, темноволосый, с узкой грудью. У него очень приятная линия рта, грустные глаза и безвольный подбородок. Тонкие изящные руки.

Он никогда-то не был крепкого сложения, а несколько лет назад вдруг подкралась чахотка. Молва утверждала, что «он пишет», однако друзья знали, что интерес к его литературным делам не поощряется.

— Ты о чем думаешь, Тим?

Миссис Аллертон была начеку. Ее карие глаза смотрели на него подозрительно.

Тим Аллертон ухмыльнулся:

— Я думаю о Египте.

— О Египте? — В ее голосе прозвучало недоверие.

— Там по-настоящему тепло, дорогая. Сонные золотые пески. Нил. Мне всегда хотелось подняться по Нилу. А тебе?

— Еще как хотелось. — Голос ее стал сухим. — Но Египет — это дорого, мой милый. Он не для тех, кто считает каждый пенни.

Тим рассмеялся. Он встал с кресла, потянулся. Он как-то сразу поживел, ободрился. И голос у него окреп.

¹ Майорка — остров в Средиземном море, славится климатическими курортами. Территория Испании.

— Расходы я беру на себя. Да-да, дорогая! На бирже маленький переполох. Результат в высшей степени благоприятен. Я узнал сегодня утром.

— Сегодня утром? — резко переспросила миссис Аллертон. — Ты получил только одно письмо, причем от...

Закусив губу, она смолкла.

Тим с минуту гадал, сердиться ему или обернуть все в шутку. Победило хорошее настроение.

— Причем от Джоанны, — холодно договорил он. — Твоя правда, матушка. Тебе бы королевой сыщиков быть! Пресловутому Эркюлю Пуаро пришлось бы побороться с тобой за пальму первенства.

Миссис Аллертон казалась раздосадованной.

— Просто-напросто я увидела конверт...

— И поняла по почерку, что письмо не от маклера. О чем я и толкую. Вообще-то биржевые новости я узнал вчера. А почерк у Джоанны действительно приметный — пишет как курица лапой.

— Что пишет Джоанна? Что новенького?

Миссис Аллертон постаралась, чтобы голос ее прозвучал безразлично и обыденно. Ее раздражала дружба сына с троюродной сестрой Джоанной Саутвуд. Не то чтобы, как она это формулировала, «там что-то есть»: там, она была уверена, ничего не было. Никаких теплых чувств к Джоанне Тим не выказывал — как и она к нему. Их взаимная приязнь основывалась на любви к сплетням и множестве общих друзей и знакомых. Им обоим были интересны люди — и было интересно посудачить о них. У Джоанны был язвительный, если не сказать злой язык.

И не то чтобы миссис Аллертон боялась, что Тим может влюбиться в Джоанну, когда невольно напрягалась в ее присутствии или, как сейчас, получая от нее вести.

Тут было другое, и не сразу скажешь что — может, неосознанная ревность при виде удовольствия, которое Тим испытывал в обществе Джоанны. Увлечение сына другой женщиной всегда отчасти поражало миссис Аллертон: ведь они с сыном идеальные собеседники. И еще: когда такое случалось, она чувствовала как бы стену, вставшую между ней и молодыми людьми. Она не раз заставляла их бойко беседующими, и когда они со всем старанием, но и как бы по обязанности втягивали ее в разговор, тот сразу увядал. Спору нет, миссис Аллертон не любила Джоанну Саутвуд. Она считала ее лицемерной и пустой, и бывало очень трудно сдержаться и не выразить свое отношение к ней.

В ответ на ее вопрос Тим вытянул из кармана письмо и пробежал его глазами. «Вон сколько понаписала», — отметила его мать.

— Новостей немного, — сказал он. — Девениши разводятся. Старину Монти сцапали за вождение в пьяном виде. Уиндлизем уехал в Канаду. Похоже, он не может опомниться, после того как Линит Риджуэй отказала ему. Она выходит за своего управляющего.

— Каков сюрприз! Он совершенный монстр?

— Отнюдь нет. Он из девонширских Дойлов. Бедняк, разумеется, притом он был обручен с лучшей подругой Линит. Крепко, крепко.

— Полное неприличие, — вспыхнув, сказала миссис Аллертон.

Тим послал в ее сторону любящий взгляд.

— Понимаю тебя, дорогая. Ты не одобряешь похищения чужих мужей и вообще мошенничества.

— Мы в молодости имели принципы, — сказала миссис Аллертон. — И слава богу! А нынешняя молодежь полагает, что может творить все что заблагорассудится.

Тим улыбнулся:

— Она не только полагает — она творит все это. Vide¹ Линит Риджуэй.

— Так это ужас какой-то!

Тим подмигнул ей:

— Выше голову, пережиток прошлого! Может, я твой союзник. Во всяком случае, я пока что не умыкал чужих жен или невест.

— И впредь, уверена, не сделаешь этого, — сказала миссис Аллертон. — Я воспитывала тебя приличным человеком, — добавила она с чувством.

— Так что заслуга в этом твоя, и я тут ни при чем.

Ехидно улыбнувшись, он сложил письмо и вернул его в карман. Миссис Аллертон не удержалась от мысли: «Почти все письма он мне показывает. А когда от Джоанны — только зачитывает куски».

Однако она прогнала эту недостойную мысль и привычно решила явить широту души.

— Не скучает Джоанна? — спросила она.

— Когда как. Пишет, что хочет открыть магазин в Мэйфере².

— Она всегда жалуется на жизнь, — с легкой неприязнью сказала миссис Аллертон, — а между тем

¹ Смотри (*лат.*).

² Мэйфер — фешенебельный район Лондона с дорогами магазинами и гостиницами.

ходит по гостям, и гардероб должен ей стоять целое состояние. Она прекрасно одевается.

— Так она, скорее всего, не платит за это, — сказал Тим. — Нет-нет, мам, я имею в виду совсем не то, что тебе подсказывает твое эдвардианское мировоззрение¹. Просто она не оплачивает счета, только и всего.

Миссис Аллертон вздохнула:

— Не представляю, как людям удастся это делать.

— Это в некотором роде особый талант, — сказал Тим. — Если иметь достаточно экстравагантные вкусы при полном непонимании, чего стоят деньги, — тебе откроют какой угодно кредит.

— Пусть, но в конечном счете тебя отправят в суд — за неплатежеспособность, как сэра Джорджа Вуда, беднягу.

— У тебя какая-то слабость к этому конскому барышнику — уж не оттого ли, что в тысяча восемьсот семьдесят девятом году, увидев тебя на балу, он назвал тебя розанчиком?

— В тысяча восемьсот семьдесят девятом я еще не родилась! — с чувством возразила миссис Аллертон. — У сэра Джорджа обворожительные манеры, и не смей звать его барышником.

— Я слышал занятные истории про него от знающих людей.

— Тебе и Джоанне все равно, что пересказывать о людях, — чем гаже, тем лучше.

Тим поднял брови:

— Дорогая, возьми себя в руки. Вот уж не представлял, что старина Вуд у тебя в таком фаворе.

¹ Отличительной чертой его была чопорность. Относится ко времени правления Эдуарда VII (1901–1910), когда нравы оставались еще «викторианскими».

— Ты даже не можешь вообразить, чего ему стоило продать Вуд-Холл. Он страшно дорожил помещением.

Можно было возразить, но Тим сдержался. Кто он такой, в конце концов, чтобы судить других? И он раздумчиво ответил:

— Насчет этого ты, пожалуй, права. Линит звала его приехать и посмотреть, как она устроилась, — так он наотрез отказался.

— Еще бы! Надо было все-таки подумать, прежде чем звать его.

— Он, по-моему, затаил злобу на нее — всегда что-то бурчит под нос, когда завидит ее. Не может простить, что за источенное червями родовое гнездо она выложила немислимые деньги.

— Ты и этого не можешь понять? — бросила ему миссис Аллертон.

— Честно говоря, — невозмутимо ответил Тим, — не могу. Зачем жить прошлым? Липнуть к тому, что было, да сплыло?

— А что ты предложишь взамен?

Он пожал плечами:

— Что-нибудь живое. Новое. Ведь какая редкость — не знать, что принесет завтрашний день. Что хорошего наследовать бросовый клочок земли? Гораздо приятнее зарабатывать на свой страх и риск.

— Например, успешно повернуть дельце на бирже.

Он рассмеялся:

— Почему бы и нет?

— А если так же успешно прогореть на бирже?

— Довольно бестактное замечание, дорогая, и уж совсем некстати сегодня... Как же насчет Египта?

— Ну, если...

Он с улыбкой прервал ее:

— Решено. Мы же всегда хотели побывать в Египте.

— Когда ты предлагаешь ехать?

— Да прямо в будущем месяце. Январь там — чуть ли не лучшее время. А пока несколько недель еще потерпим замечательных обитателей нашего отеля.

— Тим, — с упреком сказала миссис Аллертон и виновато добавила: — Я почти обещала миссис Лич, что ты сходишь с ней в полицейский участок. Она совсем не понимает по-испански.

Тим скорчил гримасу:

— Я обзавелся личной пиявкой. Это по поводу кольца? С кроваво-красным рубином? Она продолжает думать, что его украли? Если хочешь, я схожу, только это пустая трата времени. Она еще навлечет неприятности на какую-нибудь горничную. Я отлично помню, как она заходила в море и кольцо было у нее на руке. Она просто обронила его в воде — и не заметила.

— А она уверена, что сняла и оставила на туалетном столике.

— Она ошибается. Я видел его собственными глазами. Надо быть полной дурой, чтобы в декабре лезть в воду только потому, что ярко светит солнышко. Толстухам вообще надо запретить купание, в купальниках они отвратно выглядят.

— Придется, видимо, и мне отказаться от купаний, — пробормотала миссис Аллертон.

Тим расхохотался:

— Это тебе-то? Да ты любую девицу оставишь.

Вздыхнув, миссис Аллертон сказала:

— Тебе бы хорошо тут иметь молодую компанию.

Тим Аллертон решительно замотал головой:

— Ни в коем случае. Мы вполне хорошая компания вдвоем.

— Тебе не хватает Джоанны.

— Ничуть. — Странно, насколько категорично прозвучал его голос. — Ты глубоко заблуждаешься. Джоанна забавляет меня, но теплых чувств я к ней не питаю. Слава богу, что ее тут нет. Исчезни она из моей жизни, я и не замечу. — И совсем тихо добавил: — На всем свете есть только одна женщина, перед которой я преклоняюсь, и, по-моему, миссис Аллертон, ты отлично знаешь, о ком идет речь.

Его мать совсем смешалась и покраснела.

— Не так уж много прекрасных женщин, — глубокомысленно заключил Тим, — и ты одна из них.

Глава 9

В квартире, смотревшей окнами в нью-йоркский Центральный парк, миссис Робсон воскликнула:

— Ну не чудесно ли, скажите! Ты просто счастливица, Корнелия.

В ответ Корнелия Робсон залилась краской. Крупная, угловатая девушка с карими, преданно глядящими глазами.

— Сказочно, — выдохнула она.

Одобрив правильное поведение бедных родственников, престарелая мисс Ван Шуйлер удовлетворенно кивнула.

— Я мечтала побывать в Европе, — вздохнула Корнелия, — но мне казалось, что это никогда не случится.

— Разумеется, я, как обычно, беру с собой мисс Бауэрз, — сказала мисс Ван Шуйлер, — но в качестве компаньонки она не годится, совсем не годится. Корнелия поможет мне разбираться со всякими мелочами.

— С огромной радостью, кузина Мари, — с готовностью отозвалась Корнелия.

— Отлично, значит, договорились, — сказала мисс Ван Шуйлер. — А теперь поищи мисс Бауэрз, дорогая. Мне пора пить эггног.

Корнелия вышла. Ее мать сказала:

— Моя дорогая Мари, я бесконечно тебе благодарна! Мне кажется, Корнелия ужасно страдает, что она такая несветская. Чувствует себя как бы ущербной. Мне бы ее повозить, показать мир, но ты знаешь наши дела после смерти Неда.

— Я очень рада, что беру ее, — сказала мисс Ван Шуйлер. — Корнелия — девушка расторопная, поручения исполняет охотно и не эгоистка, как нынешняя молодежь.

Миссис Робсон поднялась и поцеловала богатую родственницу в морщинистую восковую щеку.

— Вечно буду тебе благодарна, — с чувством сказала она.

На лестнице ей встретилась высокая, ответственного вида женщина со стаканом желтого пенистого напитка.

— Итак, мисс Бауэрз, едете в Европу?

— Выходит, что да, миссис Робсон.

— Прекрасное путешествие!
— Да, похоже, приятная будет поездка.
— Вы ведь были прежде за границей?
— О да, миссис Робсон. Прошлой осенью я ездила с мисс Ван Шуйлер в Париж.

— Надеюсь, — с запинкой выговорила миссис Робсон, — никаких неприятностей не случится.

Она договорилась, понизив голос; мисс Бауэрз, напротив, ответила обычным голосом:

— Нет-нет, миссис Робсон, за этим прослежу. Я всегда начеку.

Однако облачко, набежавшее на лицо миссис Робсон, так и оставалось на нем, пока она спускалась по лестнице.

Глава 10

У себя в конторе в центре города мистер Эндрю Пеннингтон разбирал личную корреспонденцию. Вдруг его сжавшийся кулак с грохотом обрушился на стол; лицо налилось кровью, на лбу набухли жилы. Он нажал кнопку звонка, и с похвальной быстротой явилась элегантная секретарша.

— Скажите мистеру Рокфорду, чтобы пришел.

— Слушаюсь, мистер Пеннингтон.

Через несколько минут в комнату вошел его компаньон, Стерндейл Рокфорд. Компаньоны были одной породы: оба высокие, плотные, седоголовые и чисто выбритые.

— В чем дело, Пеннингтон?

Пеннингтон поднял глаза от письма.

— Линит вышла замуж, — сказал он.

— Что?!

— То, что слышишь: Линит Риджуэй вышла замуж.

— Каким образом? Когда? Почему мы не знали?

Пеннингтон взглянул на настольный календарь.

— Когда она писала письмо, она не была замужем.

Но теперь она замужем. С четвертого числа. А это — сегодня.

Рокфорд присвистнул и упал в кресло.

— Не предупредив? Так сразу? Кто он хоть та- кой?

Пеннингтон заглянул в письмо:

— Дойл. Саймон Дойл.

— Что он собой представляет? Ты когда-нибудь слышал о нем?

— Никогда. И она не особо пишет. — Он пробежал страницу, исписанную четким, прямым почерком. — Сдается мне, тут нечисто... Только это уже неважно. Главное, она замужем.

Они обменялись взглядами. Рокфорд кивнул.

— Надо кое-что обдумать, — ровным голосом ска- зал он.

— Что мы собираемся предпринять?

— Об этом я тебя и спрашиваю.

Помолчали. Потом Рокфорд спросил:

— Не придумал?

Пеннингтон враспяжку сказал:

— Сегодня отплывает «Нормандия». Ты или я можем успеть.

— С ума сошел? Что ты задумал?

— Эти британские стряпчие... — начал Пеннингтон и осекся.

— Бог с ними! Неужели ты поедешь разбираться? Безумец.

— Я вовсе не думаю, чтобы кому-то из нас ехать в Англию.

— А что ты задумал?

Пеннингтон разгладил письмо рукой.

— На медовый месяц Линит едет в Египет. Думает пробыть там месяц, если не больше.

— Хм... Египет?.. — Рокфорд задумался. Потом поднял глаза на собеседника. — Так у тебя Египет на уме? — сказал он.

— Вот-вот: случайная встреча. Где-нибудь в пути. Молодожены... витают в эмпиреях. Дело может выгореть.

Рокфорд усомнился:

— Она смекалистая, Линит, хотя...

— Я думаю, — мягко продолжал Пеннингтон, — можно будет справиться — так или иначе.

Они снова обменялись взглядами. Рокфорд кивнул:

— Быть по сему, старина.

Пеннингтон взглянул на часы:

— Тогда кому-то из нас надо пошевеливаться.

— Тебе, — откликнулся Рокфорд. — Ты ее любимчик. «Дядя Эндрю». Чего лучше?

Пеннингтон посуровел лицом.

— Надеюсь, — сказал он, — что-нибудь получится.

— Должно получиться, — сказал компаньон. — Положение критическое...

Глава 11

Вопросительно смотревшему долговязому юноше, открывшему дверь, Уильям Кармайкл сказал:

— Будьте любезны, пришлите ко мне мистера Джима.

Так же вопросительно взглянул на дядю и вошедший потом в комнату Джим Фанторп. Старший, кивнув, крикнул и поднял на него глаза:

— Явился.

— Звали?

— Взгляни-ка.

Молодой человек сел и взял протянутые ему бумаги. Старший не отрываясь смотрел на него.

— Что скажешь?

Ответ последовал незамедлительно:

— Подозрительная история, сэр.

И опять старший компаньон фирмы «Кармайкл, Грант и Кармайкл» характерным образом крикнул.

А Джим Фанторп перечел письмо, пришедшее авиапочтой из Египта.

«...Большой грех — писать в такой день деловые письма. Мы жили неделю в «Мена-Хаус», ездили в Эль-Файюм¹. Послезавтра мы собираемся паромом подняться по Нилу до Луксора² и Асуана³,

¹ Эль-Файюм — крупный город на севере Египта, неподалеку от которого находится древний город Кракадилополис, активно посещаемый иностранными туристами.

² Луксор — город в Египте, на территории древних Фив, в среднем течении реки Нил; основная достопримечательность — храм богов Амона Ра, Мут, Хонсу (XVI—XV вв. до н. э.), соединенный аллеей сфинксов с комплексом древнеегипетских храмов Карнак, названных по одноименному арабскому селению.

³ Асуан — крупный город на юге Египта, порт на реке Нил, климатический курорт.

а может, и до Хартума¹. Когда мы сегодня утром зашли в Бюро Кука² насчет билетов, кого, Вы думаете, мы там увидели? Моего американского опекуна, Эндрю Пеннингтона! Мне кажется, Вы его видели два года назад, когда он приезжал в Англию. Я не знала, что он в Египте, и он не знал, что я тут! Еще он не знал, что я замужем! Должно быть, он разминутся с моим письмом, где я писала ему о своем замужестве. Оказывается, он отправляется в то же самое плавание по Нилу, что и мы. Бывают же такие совпадения! Большое спасибо за то, что при Вашей загроуженности Вы находите время и для меня. Я...»

Молодой человек перевернул страницу, но тут мистер Кармайкл забрал письмо.

— Достаточно, — сказал он. — Остальное не суть важно. Что ты думаешь обо всем этом?

Племянник минуту подумал и сказал:

— Не совпадение это, я думаю...

Собеседник согласно кивнул.

— Хочешь в Египет? — вдруг гаркнул он.

— Вы полагаете, есть смысл?

— Я полагаю, что нам нельзя зевать.

— Но почему — я?

— Пошевели мозгами, сынок. Линит Риджуэй тебя никогда не видела, как и Пеннингтон. Самолетом ты еще можешь застать их.

¹ Хартум — столица Судана, расположен у слияния в Нил рек Белый Нил и Голубой Нил.

² Бюро Кука — туристическое агентство, имеющее отделения во многих странах.

— М-м... мне это не нравится, сэр. Что я должен делать?

— Смотреть глазами. Слушать ушами. Шевелить мозгами, если они у тебя есть. И если нужно — действовать.

— М-м... мне это не нравится.

— Допускаю, но делать нечего.

— Это действительно необходимо?

— Это крайне необходимо, — сказал мистер Кармайкл, — так мне представляется.

Глава 12

Поправляя туземную тряпку, в виде тюрбана обернутую вокруг головы, миссис Оттерборн капризно сказала:

— Я все-таки не понимаю, почему нам не поехать в Египет. Мне осточертел Иерусалим.

Не получив от дочери ответа, она добавила:

— Отвечай все-таки, когда к тебе обращаются.

Розали Оттерборн смотрела на фотографию в газете, под которой было напечатано:

«Миссис Саймон Дойл, до замужества известная светская красавица Линит Риджуэй. Мистер и миссис Дойл сейчас отдыхают в Египте».

— Тебе хочется в Египет, мама? — сказала Розали.

— Да, хочется, — отрезала миссис Оттерборн. — Я считаю, с нами обращаются по-хамски. Для них реклама, что я тут остановилась, и мне полагаются определенные уступки. Но стоило мне об этом заикнуться, как они повели себя *совершенно* наглым образом. Я им напрямую высказала все, что думаю о них.

Девушка вздохнула.

— Да все равно на что смотреть, — сказала она. —
Давай не откладывая уедем.

— А сегодня утром, — продолжала миссис Оттерборн, — управляющий имел наглость сказать мне, что комнаты заказываются заранее и, например, наши потребуются ему через два дня.

— Значит, все равно надо куда-то уезжать.

— Отнюдь нет. Я еще поборюсь за свои права.

— Вполне можно поехать и в Египет. Какая разница.

— Безусловно, это не вопрос жизни и смерти, — согласилась с ней миссис Оттерборн.

Тут она сильно ошибалась: это был именно вопрос жизни и смерти.

Часть 2
ЕГИПЕТ

Глава 1

— Это Эркюль Пуаро, детектив, — сказала миссис Аллертон.

Они сидели с сыном в ярко-красных плетеных креслах перед отелом «У водоската» в Асуане. Две удаляющиеся фигуры привлекли их внимание: невысокий мужчина в белом чесучовом¹ костюме и долго-вязая девица.

С несвойственной для него живостью Тим Аллертон выпрямился в кресле.

— Этот смешной коротышка? — недоверчиво спросил он.

— Да, этот смешной коротышка.

— А что он тут делает, интересно знать? — спросил Тим.

Мать рассмеялась:

— Смотри, как ты возбудился! Почему мужчин так влечет к себе преступление? Я ненавижу детективные романы и никогда не беру их в руки. Я не думаю, что месье Пуаро находится тут с какой-то тайной целью. Он составил себе немалое состояние и теперь просто живет в свое удовольствие, я полагаю.

¹ Чесуча — плотная шелковая ткань.

— Во всяком случае, он высмотрел тут самую привлекательную девушку.

Чуть склонив голову набок, миссис Аллертон задумчиво провожала взглядом удалявшихся Пуаро и его спутницу.

Та была дюйма на три повыше его. Она хорошо держится — не скованно и не горбясь.

— Она таки *весьма* привлекательна, — сказала миссис Аллертон.

Она искоса глянула на Тима. Даже смешно, как он сразу клюнул.

— Не то слово. Жаль только, вид у нее злой и надутый.

— Может, это напускное.

— Да нет, она стервоза. Хотя и привлекательная.

Между тем героиня их беседы плелась рядом с Пуаро, крутя нераскрытый зонтик, и имела на лице то самое выражение, что отметил Тим: надутое и злое. Брови нахмурены, опущены углы ярких губ.

Выйдя из ворот, они повернули налево и углубились под сень прохладного парка.

Лицо Эркюля Пуаро излучало добродушие, неспешно журчала его речь. Белый, отлично выглаженный чесучовый костюм, панاما, в руке богато украшенная мухобойка с набалдашником из искусственного янтаря.

— Я очарован, — говорил он. — Черные скалы Слонового острова¹, солнце, челны на реке. Нет,

¹ Слоновый остров — на Ниле напротив Асуана.

жить — это хорошо. — Помолчав, он добавил: — Вы не находите, мадемуазель?

— Почему же нет? — кратко ответила Розали Оттерборн. — Только уныло здесь, в Асуане. Отель наполовину пуст, а те, кто есть, столетние...

Она оборвала себя, прикусив губу.

В его глазах зажглись огоньки.

— Совершенная правда, я сам одной ногой в могиле.

— Я... не вас имела в виду, — сказала девушка. — Извините. Некрасиво получилось.

— Ничего страшного. Это нормально, что вам нужны ровесники для компании. Постойте, по крайней мере один молодой человек имеется.

— Это тот, что ни на шаг не отходит от своей матери? Она мне нравится, а он, по-моему, ужасный — такой самодовольный!

Пуаро улыбнулся:

— А я — самодовольный?

— Нет, я бы не сказала.

Ясно, ей это безразлично, но Пуаро не стал обижаться, а со спокойным удовлетворением заметил:

— Мой лучший друг говорит, что я очень доволен.

— Может быть, — рассеянно сказала Розали, — чем-то, наверное, вы можете быть довольны. Меня, к сожалению, совсем не интересуют преступления.

На это Пуаро с серьезным видом ответил:

— Рад узнать, что вам нет нужды скрывать что бы то ни было.

На секунду ее лицо оживилось, когда она вопросительно стрельнула в его сторону глазами. Словно не заметив этого, Пуаро продолжал:

— А что, ваша матушка не выходила к ленчу? Не потому, что нездоровится, надеюсь?

— Не нравится ей тут, — коротко ответила Розали. — Я не дождусь, когда мы уедем.

— Мы ведь вместе плывем, не так ли? Вместе поднимемся до Вади-Хальфа и Второго порога?¹

— Да.

Из тенистого парка они вышли на пыльное полотно прибрежной дороги. Их тут же облепили глазастые продавцы бус, почтовых открыток, гипсовых скарабеев, пара мальчишек с осликами и ватага просто назойливых юных бездельников.

— Хотите бусы, сэр? Очень хорошие, сэр. Очень дешево...

— Хотите скарабея, леди? Смотрите: великая царица приносит счастье...

— Смотрите, сэр: настоящий лазурит². Очень хороший, очень дешево...

— Хотите ослика для поездки, сэр? Это очень хороший ослик. Этого ослика зовут Виски-сода, сэр...

— Хотите поехать в гранитный карьер, сэр? Вот очень хороший ослик. Тот ослик очень плохой, сэр, он падает...

— Хотите открытки, очень дешево, очень красиво...

— Смотрите, леди... Всего десять пиастров...³ очень дешево... лазурит... вот слонобая кость...

— Вот очень хорошая мухобойка — это все из янтаря...

¹ Вади-Хальф — город на севере современного Судана в низовьях Второго порога — одного из шести порогов на Ниле.

² Лазурит — ценный поделочный минерал синего (кобальт) цвета.

³ Пиастр — разменная монета в Египте.

— Вам требуется лодка, сэр? У меня очень хорошая лодка, сэр...

— Хотите вернуться верхом в отель, леди? Вот первоклассный ослик...

Помахивая рукой, Эркюль Пуаро отбивался от липнущего человеческого роя. Розали шла сквозь толпу людей как сомнамбула.

— Лучше всего притвориться слепой и глухой, — заметила она.

Юные бездельники трусили сбоку, канюча:

— Бакшиш!¹ Бакшиш! Гип-гип-ура! Очень хорошие, очень красивые...

Они живописно трясли своими пестрыми лохмотьями, на ресницах гроздьями сидели мухи. Эти были самые назойливые. Другие отстали и уже взяли в оборот очередного путника.

Теперь, под вкрадчивые уговоры, Пуаро и Розали выдерживали магазинный искуc.

— Не зайдете в мою лавку, сэр?

— Не хотите крокодила из слоновой кости, сэр?

— Вы не были у меня в лавке, сэр? Я покажу вам очень красивые вещи.

Зашли они только в пятую лавку, где Розали взяла несколько фотопленок, ради чего и была затеяна эта прогулка.

Выйдя, они направились к берегу реки.

Как раз швартовался нильский пароход. Пуаро и Розали с интересом глазели на пассажиров.

— Порядочно их, правда? — заметила Розали.

Она обернулась к подошедшему Тиму Аллертону. Тот запыхался от спешки.

¹ Подарок! (*перс.*)